

Мне хочется говорить с коллегами, по-видимому, о самом важном, о самом решающем в нашей профессиональной жизни, о том, что теперь называется проблемой положительного героя.

Писатели всех времен и народов мечтали о том времени, когда их перо свободно и воодушевленно прикоснется к образу человека-строителя, человека-борца, человека-освободителя. Я уверен, что это время наступило пятьдесят два года назад, и вереница замечательных книг, посвященных людям социалистического общества, — яркое подтверждение этой радостной для нас, воодушевляющей и живительной мысли. Перефразируя знаменитое высказывание Леонида Соболева на Первом съезде писателей СССР, можно сказать, что партия советским писателям дала все, отняв только одно право — плохо писать образ нашего героического современника.

Неизвестен этот человек, который впервые на страницах критических статей отождествил положительного героя с героем, как говорится, лакировочным. Надо признать, что действительно существовали книги, в которых обманчивый эффект положительности создавался пафосным приглаживанием жизни, но кто сказал, что плохие писатели делают литературу? Разве не пережил самого себя, разве не состоит из плоти и крови герой Юрия Крымова, своенравный и по-человечески величественный механик Басов с танкера «Дербент»? Разве не командовал в годы Отечественной войны подразделением фадеевский Левинсон? Положительный герой не может существовать в так называемом лакировочном произведении уже потому, что он — всегда борец.

Я убежден в том, что герои левиносовско-басовского масштаба сейчас редко появляются в литературе не потому, что нет прототипов, а оттого, что современная жизнь неимоверно усложнилась. Отягощенный информацией, перегруженный социальными и экономическими перипетиями двадцатого века, человек сделался просто-напросто трудным для перенесения в живую книгу. Нам надо пристальнее, умнее наблюдать жизнь, с тем чтобы чуточку приподняться — это неперемное условие — над героями своих книг.

Нам труднее, чем ушедшим от нас предшественникам, но нам и легче, ибо новый герой наших будущих книг станет ровно во столько раз крупнее героя прошлых лет, насколько стала сложнее жизнь.

Ничего порочащего я не хочу сказать о книгах и фильмах, в которых показывается героическая, трудная и нужная работа советских разведчиков, о таких авторах, как В. Кожевников, В. Ардаматский, Ю. Семенов, но не хотелось бы, чтобы историки литературы когда-нибудь написали фразу: «Героями двадцатых—тридцатых годов в советской литературе были доярки, учителя, трактористы, каменщики, чабаны; в сороковых — пятидесятых годах героем сделался советский воин, а героем шестидесятых и начала семидеся-

тых годов был герой-разведчик». Смещение в эту сторону неправомерно.

Будучи представителем так называемой деревенской, сельской прозы, думаю, что могу бросить упрек и в свою собственную сторону. Научившись отлично писать патриархальных старичков и тоскующих по цивилизации колхозных парней и девушек, мы постепенно теряем вкус к основной деревенской силе — механизатору. Конечно, он теперь уже не таков, каким был тракторист Николая Крюкова, но тем значительнее будет выглядеть на страницах романа или повести. А доярка исчезла из литературы в тот самый миг, как только на ферме установили доильный агрегат.

Я не говорю здесь о теории дегероизации только потому, что считаю ее настолько махрово реакционной, настолько абсурдной, что она механически убивает самое себя чрезмерной крайностью. Если представить себя сторонником теории дегероизации, то на земле наступает такой мрак, какой был на ней до той секунды, пока не вспыхнуло огненное сердце Данко. Стать сторонником антигероизации — значит вычеркнуть из памяти капитана Тушина, князя Андрея Болконского, Николая, Петю Ростовых.

Литературе о положительном герое совершенно чужда та мелкая групповая возня, которая возникает вокруг книг, написанных на мелкие, переходящие темы. Крупно написанный положительный герой и у критики, и у читателя, и даже у недругов автора должен вызывать и вызывает только чувство благодарности.

Не случайно на довольно спорном романе Федора Абрамова «Две зимы и три лета», романе с положительным героем, сошлись взгляды разноречивых критиков. Вот еще одна положительная сторона дела, которая должна привлекать к герою сегодняшнего дня.

Я уже говорил, что сделано все возможное для того, чтобы облегчить писателю трудный и беспокойный путь к положительному герою. Коммунистическая партия постоянно указывает нам на необходимость перенесения правдивой действительности на страницы наших книг, но хочется сказать, что мы имеем дело с таким процессом, где лучше пересолить, чем недосолить. Одним словом, я хочу сказать, что надо еще усилить внимание к тем писателям, которые, порой ошибаясь, набивая шишки и наживая недругов, отказываясь играть на конъюнктурности, пренебрегая броскостью негативных явлений, упрямо продолжают беспокойные поиски высококачественного положительного героя.

Хочу отметить, что наша «Литературная газета» накануне съезда начала доброе дело, развернув полемику о положительном герое в драматургии. Если это начало большой, спокойной и обстоятельной полемики, могущей вобрать все аспекты, то нужно надеяться, что дело продвинется вперед на благо нашей литературы.

Есть нужда сказать несколько слов и об издательской позиции. Понимая, к сожалению, что для книг о положительном герое мы не сумеем добиться тиражей больших, чем тираж романа «И один в поле воин», но уж потребовать-то, чтобы тиражи книг о герое нашего времени были не меньшими, мы можем и должны. Книгоиздательская политика должна быть высокой политикой в самом прямом смысле этого слова.

В заключение три слова: даешь положительного героя!

Лит. газ. 1970, 1 авг. № 14.